

*Посвящается Николь Энджелин, без чьей дружбы
и советов роман «Требуется няня» не был бы той
книгой, которой он является сегодня.
Спасибо.*

ГЛАВА 1

Дети весело болтают. Некоторые из них тихонько поют, кто-то вертит головой и осматривает комнату, держа в руках леденцы и время от времени оглядываясь на своих мам. Мамы перемещаются по комнате за приоткрытыми двойными французскими дверями.

Двери со щелчком затворяются.

В течение нескольких секунд после этого дети выглядят обеспокоенными: уголки губ у них опускаются, они прекращают лизать леденцы. Они совсем еще малыши — им по три-четыре года. Их маленькие тела напрягаются от чувства тревоги, вызванного тем, что их матери куда-то исчезли. Но тут в комнату с улыбкой на лице входит какая-то незнакомая женщина, и детские лица разом оживляются. Женщина красива. Вокруг ее шеи ожерелье из бриллиантов, каждый из которых размером с шарик жевательной резинки. От нее исходит восхитительный запах духов.

Какое-то время дети молча с восхищением смотрят на нее, а затем их охватывает смущение. Они никогда раньше не видели эту женщину. До сегодняшнего дня у них не было никакого повода для посещения ее апартаментов в Верхнем Уэст-Сайде.

Но я знаю Колетт. Я работаю на нее, хотя скоро с этим будет покончено. После того как минует сегодняшней день, я перестану быть няней ее дочери.

Колетт раздает детям новые сладости, и робкие улыбки малышей становятся шире. У многих из них уголки губ вишнево-красные — краситель от уже съеденных леденцов. Женщина указывает детям на целое облако из воздушных шаров, висящих в воздухе, и малыши радостно хихикают. Затем Колетт рассказывает им про приготовленный по случаю дня рождения праздничный торт, который скоро принесут: в нем четыре ванильных коржа отделены друг от друга прослойками из клубничного мороженого. После этого дети рассаживаются по местам вокруг стола, окончательно забыв про своих мам. В течение какого-то времени Колетт тоже выглядит счастливой и довольной.

Но затем она бросает на меня взгляд, от которого возникает такое ощущение, будто мне за шиворот сунули несколько кусочков льда.

Колетт хочет, чтобы я осталась.

Дети сидят по обеим сторонам стола лицом друг к другу — четыре девочки и двое мальчиков. Их буквально выдернули с игровой площадки, на которую я наткнулась несколько дней тому назад. Я побывала в нескольких парках, но эта площадка оказалась единственной, где мамочки согласились принять приглашение на день рождения к незнакомому им ребенку.

Поначалу они смотрели на меня с изумлением и спрашивали: *Зачем это? Неужели у девочки, о которой я им рассказала, нет друзей в школе?* Вероятно, кто-то из них принял меня за сумасшедшую, а кто-то решил, что это какая-то шутка. Но после того как я раздала им пригласительные открытки с адресом, они пообещали прийти ровно в три часа дня. Уверена, что наличные деньги, которые я им вручила, тоже помогли.

Праздник проходит в комнате, которая обычно используется для роскошных званых обедов, устраиваемых для высокопоставленных гостей — они время от времени бывают в доме. Но не сегодня — сегодня все по-другому. Высокопоставленные гости появляются здесь в последнее время все реже — а 10 июля их не приглашают никогда.

Сегодня на Западной Семьдесят восьмой улице радушно принимают только детей.

Я внимательно оглядываю стол и вижу, что малыши снова начинают нервничать. Они вертятся на стульях и просят, чтобы им принесли торт. Терпение этих ребяташек иссякает в какую-то миллисекунду. Их крики и беспокойные движения превращают комнату в бомбу замедленного действия с запущенным часовым механизмом.

Колетт тоже выглядит возбужденной. Она нервно разглаживает скатерть. Руки ее подрагивают, а когда она снова украдкой бросает взгляд на дверь, нижнее веко начинает заметно подергиваться от тика.

Где же именинница? Почему она задерживается?

Колетт вскакивает и торопливо наполняет чашки гостей соком, затем суетливо поправляет стоящую в центре стола вазу с цветами. Когда Колетт такая — резкая, стремительная, нервы на пределе от кофеина и бог знает чего еще, — она напоминает мне птичку в клетке. Со всем крохотную, с блестящими бусинками глаз, то садящуюся на жердочку, то снова соскакивающую с нее.

Птичка Колетт. Она вышла замуж за мужчину, чья фамилия как нельзя лучше ей подходит*. Ее избранник — член одного из самых богатых семейств в Нью-

---

* Фамилия Колетт — Бэрд (Bird), что в переводе с английского означает «птица». (Прим. перев.)

Йорке. Именно его высокий уровень благосостояния позволяет Колетт устраивать мероприятия вроде того, которое проходит в комнате сейчас. И оно же дает ей возможность организовывать их без каких-либо последствий.

Я смотрю на свои часы. До конца праздника остается еще час.

Шум в комнате стихает, свет становится более приглушенным. И вот вносят торт. Домработница подкатывает тележку с ним к столу. Дети разражаются радостными возгласами и, отложив свои леденцы, хлопают в маленькие ладошки.

Одна из девочек вслух громко пересчитывает свечки на торте:

— Одна, две, три, четыре. А мне тоже четыре года!

Девочка недоуменно оглядывается. То же самое делают и другие гости.

Где же именинница?

Колетт смотрит на дверь. Я почти слышу, как у нее учащается сердцебиение. Следуя ее примеру, маленькие гости тоже устремляют взгляды в сторону входа в обеденный зал. Колетт бросается к стулу, стоящему во главе стола, на который она нарочно не стала никого сажать, и немного отодвигает его назад. Затем она всматривается в залитый ярким светом небольшой участок коридора, который виден из комнаты.

— Подождите еще немножко... — произносит она и шумно втягивает воздух. — Теперь это может произойти в любой момент...

И тут...

Внезапно раздавшийся где-то в соседней комнате шум начинает приближаться. Колетт выглядит так, словно у нее только что вырвали сердце из груди...

ТРЕБУЕТСЯ НЯНЯ

Западная Семьдесят восьмая улица, дом 101.

**Договориться о собеседовании можно
по номеру 212-555-0122. Оплата еженедельно.**

**Важнейшее требование —
конфиденциальность.**

Необходимо соблюдение особых условий.

ГЛАВА 2

— Как насчет того, чтобы мне нанять-
ся няней?

Я помахиваю рекламной листовкой, которую сняла с доски объявлений в вестибюле нашего дома.

Джонатан переводит взгляд на меня. На подбородке у него заметно отросла щетина — с утра он еще не брился. Волосы на голове торчат в разные стороны. Однако я не могу не отметить, насколько он хорош, даже когда выглядит небрежно. Мне кажется, это лишь придает ему, мужчине, который в недалеком будущем станет моим мужем, особое очарование. Почувствовав, куда именно устремлен мой взгляд, он потирает подбородок. Мне хочется поцеловать его именно в то место, которого он коснулся, прямо в крохотный белый шрам, и ласково провести пальцами по его щеке.

— А ты когда-нибудь работала няней? — спрашивает он.

— Мне приходилось сидеть с детьми, когда я училась в школе.

— И ты считаешь себя достаточно квалифицированной для такой работы?

— Мне выдали сертификат.

— И когда это было? Десять лет назад? — поддразнивает меня Джонатан.

— Не будь таким занудой. — Я шутливо пихаю его локтем в бок. — В листовке про квалификацию и сертификат нет ни слова.

Джонатан забирает у меня листовку.

— Ну-ка, дай посмотреть.

Мы лежим в постели, которая чуть позже — в сложенном виде — превратится в скромных размеров диван, что сделает нашу крохотную квартирку площадью в триста квадратных футов* хоть немного просторнее. Мы оба опираемся спинами на подушки, наши ноги в пижамных штанах вытянуты вперед. Чашка с кофе, который каждое утро готовит для меня Джонатан, стоит на полу рядом с диваном, так что я могу до нее дотянуться.

Джонатан читает объявление на листовке, которое состоит из четырех строк.

— Что бы это могло означать: *важнейшее требование — конфиденциальность?*

— Ты хочешь сказать, что это самая интересная часть объявления? — Я забираю у Джонатана листовку. — Думаю, оно написано от имени какого-то известного человека — или занимающего высокое положение. Об этом говорит даже адрес — Западная Семьдесят восьмая улица.

— В листовке ничего не говорится о количестве детей. Их может быть дюжина.

— Сомневаюсь.

— Или речь идет о грудном ребенке. — Джонатан коротко вздыхает: — Ты знаешь, как нужно обращаться с младенцами?

Мне невольно вспоминается мое собственное детство. Я была единственным ребенком в семье и страдала

---

* Около 28 кв. метров.

от одиночества, а воспитывала меня тетка. Потом мне на память приходят десятилетние близнецы, за которыми я присматривала, когда училась в средней школе. Мы Джонатаном действительно планируем пожениться, но до того, чтобы заводить собственных детей, нам с ним еще очень далеко.

— Как-нибудь разберусь, — говорю я.

— Да и вообще — зачем тебе менять работу? Я думал, тебе нравится в «Очаге».

Я вздыхаю. Мне на самом деле нравится в «Очаге», ресторане, который расположен на углу Восточной Тринадцатой улицы и Первой авеню. Мы с Джонатаном оба там работаем. Именно Джонатан помог мне туда устроиться несколько месяцев назад, хотя мы уже были помолвлены — об этом он владельцу не сказал. Пол, однако, каким-то образом об этом узнал и провел с нами «серьезный разговор». Он предупредил, что не желает, чтобы мы во время работы занимались выяснением отношений, и что ему не нужны скандалы. Мы с Джонатаном заверили его, что беспокоиться не о чем — мы никогда не ссоримся.

— Я могу работать на двух работах, — говорю я Джонатану. — На должности няни в дневное время, а в ресторане вечерами и по выходным.

— Но ты уже пропустила две смены.

— Это было на прошлой неделе.

— Пол все это отслеживает.

— Ничего он не сделает — только грозитя.

Джонатан искоса смотрит на меня.

— Знаешь, — говорит он, — у меня возникли проблемы, когда я не привел в порядок зону, за которую отвечаю. Пол из тех парней, которые реально увольняют людей после трех проколов.

— Вот увидишь, моя схема сработает.

— Ты так говоришь, словно должность няни уже у тебя в кармане.

— Просто я мыслю позитивно, разве не так? — Я поворачиваюсь к Джонатану: — И вообще, что ты так переживаешь?

— Я переживаю потому, что помимо риска потерять хорошую работу в ресторане ...

— Ничего не случится.

— ... ты еще и ничего не знаешь о семье, которой требуется няня. А что, если они какие-нибудь психи?

— По крайней мере, они будут платить мне деньги, — говорю я и указываю пальцем на адрес в листовке: — Причем, судя по всему, неплохие.

Теперь вздыхает Джонатан:

— А что, если папаша, глава семейства, начнет к тебе приставать?

Я едва не давлюсь глотком кофе и вытираю ладонью попавшие на щеку и на подбородок капли.

— Нет, я серьезно, — продолжает Джонатан. — О таких вещах слышишь то и дело. Богатенький топ-менеджер, который не дает прохода молоденькой, красивой няне — таких историй полным-полно.

Я несколько раз кокетливо взмахиваю ресницами:

— А, так ты считаешь, я красивая?

— Конечно, ты красивая. И ты молодая — тебе всего двадцать пять.

Я демонстративно закатываю глаза:

— Слушай, я ценю то, что ты за меня беспокоишься, но мне кажется, ты немного сгущаешь краски.

Однако Джонатан не успокаивается.

— Послушай, разве тебе не кажется, что дополнительные деньги будут очень кстати? — спрашиваю я. — С этим ведь ты не будешь спорить, не так ли?

Джонатан отводит глаза, и его брови сходятся к переносице.

— Да, дополнительные деньги нам сейчас не помешают — они действительно нужны, в этом нет сомнения, — говорит он и умолкает. Я знаю, что в этот момент он думает о наших долгах. О стопке конвертов с ярко-красными печатями «Просрочено», которая лежит на стойке в прихожей. О нашей свадьбе, которую мы хотели бы устроить в этом году, если только у нас будут на это средства. О том, что нам постоянно приходится жить от зарплаты до зарплаты.

Мы какое-то время молчим. Я задумчиво покусываю нижнюю губу, а Джонатан еще раз перечитывает текст листовки с объявлением.

— Ты в самом деле готова работать на двух работах? — спрашивает он через некоторое время.

— Думаю, у меня нет выбора.

— Знаешь, я ведь тоже мог бы найти вторую работу.

Я сжимаю локоть Джонатана и ощущаю в груди теплую волну — мне понятно, что он на самом деле сделал бы это в мгновение ока, если бы у него была такая возможность. Но он уже работает в «Очаге» и берет на себя больше смен, чем кто бы то ни было, и готов при случае взвалить на себя еще больше обязанностей. Нет, говорю я сама себе, еще об одной работе для Джонатана и речи быть не может. Это я должна поднапрячься. Он не обязан оплачивать мои счета и вытаскивать нас обоих из долговой ямы. Передо мной уже не раз вставал вопрос о банкротстве. Вероятность такого развития события на сегодняшний день очень высока, и может случиться так, что совсем скоро это окажется неизбежным, поскольку другие варианты станут для меня невозможными. Подумав об этом, я невольно вздрагиваю. Честно говоря, в те моменты, когда Джонатан не смо-

третит на меня, я кусаю губы, чтобы не заплакать. Мне не хочется, чтобы он запаниковал еще больше — этого лучше избегать.

Джонатан толкает меня плечом.

— А ты не хочешь вернуться к учебе? — спрашивает он.

Я напрягаю мышцы и вжимаюсь в подушку.

— Да, конечно. Мы оба этого хотим. Но мы не говорим на эту тему, и ты это знаешь.

Джонатан приоткрывает рот, чтобы что-то сказать, но не произносит ни слова. Этот спор он уже проигрывал множество раз. Мы не можем позволить себе обучение. Если трезво смотреть на вещи, правда состоит в том, что, живя в Нью-Йорке, мы, хотя и крутимся как белки в колесе, с трудом покрываем расходы на аренду жилья, оплату коммунальных услуг и покупку продуктов — и это все.

Хотя я и была близка к получению диплома, путь к которому начала несколько лет назад еще дома, в Вирджиния-Бич, и с энтузиазмом смотрела в будущее, ожидая, что мои эскизы окажутся интересными миру большой моды, смерть тети Клары положила конец всем этим планам. Мне пришлось поднять белый флаг и отказаться от них. Поток счетов за лечение тети привел к тому, что оплата моей учебы в колледже стала невозможной. Мне пришлось пойти на работу, так что я убрала в дальний ящик мои эскизы вместе с мечтами и бросила занятия.

Однако еще через пару лет, которые я провела за приготовлением в пляжном баре замороженных дайкири для туристов, я убедила себя переехать в Нью-Йорк, город, который тетя Клара любила и в который всегда мечтала вернуться.

Как-то она сказала мне: «Это место, где возможно все что угодно. Мне никогда не было так хорошо, как